

НАТАЛИЯ ПОЛЯНСКАЯ

ЛЕГЕНДА ПОРТУГАЛИИ

ТУРИСТИЧЕСКИЙ ГИД **FICTION** **ПОРТУГАЛИЯ** »

Наталья Полянская
Легенда Португалии
Серия «Туристический гид. Fiction»

текст предоставлен издательством "Эксмо"
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3375455
Наталья Полянская. Легенда Португалии: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-56793-5

Аннотация

Поездка в Португалию, обещавшая стать сказкой, обернулась настоящим кошмаром. Во-первых, к Евгению и его любимой девушке Софи присоединились его родственники, способные привести в ужас кого угодно. Во-вторых, откуда ни возьмись объявился обаятельный француз Анатолий и тут же принялся строить Софи глазки. А в-третьих, должно быть, чтобы путешественники уж точно не скучали, на них обрушились все возможные неприятности. Когда Евгений понял, что все это – часть тщательно составленного плана, было уже поздно – ситуация окончательно вышла из-под контроля.

Содержание

Пролог	4
1	5
2	10
3	16
4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Наталия Полянская

Легенда Португалии

Моей маме

Пролог

...Труба отозвалась еле слышным гулом, однако выдержала вес. Рывок, еще рывок, и вот уже рядом скалится каменная морда, так хорошо сделанная, что все зубы можно пересчитать. Женя непочтительно схватился за клыкастую пасть и подтянулся повыше. Утро было совсем близко, и камень оказался мокрым от влаги. Этого Ильясов не предусмотрел.

«Если упаду, то вряд ли расшибусь сильно, но шуму наделаю».

Подождав для верности, он перенес вес на левую ногу и продвинулся еще на полметра. Здесь имелся чешуйчатый хвост, однако подошва соскользнула с него, и ловкий лазутчик едва не сверзился вниз, тут же мысленно обругав себя последними словами. Следующая опора нашлась легко, затем удачно подвернулся каменный цветок, на который можно встать и дотянуться до карниза.

Только как на него взобраться?

Карниз шел над головой – шириной сантиметров тридцать, основательный, в мелких узорчиках, и не лень же было! Чуть отклонившись, Женя изучил обстановку, а затем, подумав: «Была не была!» – одним движением за карниз уцепился.

Пальцы соскользнули.

К счастью, левая рука держалась надежно, а потому он все-таки не свалился. Вернулся на завоеванную позицию, шепотом выругавшись, и попробовал еще раз.

Удалось.

Он подтянулся, положил на карниз локоть, перекинул левую руку на очередной цветок (благовослови, господь, архитектора!), подтянулся снова и встал коленом на узкую каменную полоску. А где колено – там и все остальное.

Женя стоял, прижимаясь к стене и держась за каменные цветы, усики и пимпочки, чувствовал щекой холодную шероховатую поверхность мрамора и думал, что сегодня чертовски удачный день. Если быть точным, удачная ночь.

Он глубоко вдохнул, выдохнул и сделал первый шаг к окну.

1

*Лишь ты, любовь, неведомая сила,
Играющая слабыми сердцами,
Несчастную давно свела в могилу
И жизнь ее заполнила слезами.*

Луис Вас де Камознс¹

– Евгений, – сказала мама с тем особенным придыханием, которое означает, что родители решили тебя осчастливить, а на самом деле готовятся доставить кучу неприятностей, – почему бы тебе не взять их с собой?

– Кого?

– Люсю и Васю.

В первый момент Женька даже не понял, чего от него хотят. Сидел, обрабатывал тихомирно фотографии с конференции, добавлял лицам участников божественного сияния, морщинки убирал, помаду делал ярче – словом, безропотно служил родине, – и тут такое заявление.

– Зачем Люсю и Васю? Куда?

– В Португалию, – пояснила мать, – ты же едешь на следующей неделе.

– Еду, – согласился Женя, – но при чем тут Люся и Вася?

– Васе отпуск дали, – принялась объяснять Марина Викторовна, – неделю или полторы, а вчера мы разговаривали, и я сказала, что ты в Португалию собираешься, и тут выяснилось, что у них шенген открытый и в Португалии они никогда не были...

– Так, – сказал Женя, – стоп. Не были – а я тут при чем?

– Но ты же едешь, ты язык знаешь, а они не знают, и вы же все-таки родственники, и...

– Стоп, – повторил Женька, поморгал, отводя глаза от монитора, и постарался сосредоточиться.

Хотя что тут думать-то. Все как всегда. Он это знал и ненавидел.

Его мать, передовик производства и весьма успешная в свое время женщина, с годами приобрела мерзкую привычку беззаветно любить и слушать людей. Женька боролся с этим, боролся, потом плюнул, решив, что каждый сам кузнец своего счастья, и теперь поднимал знамя борьбы, только когда ситуация непосредственно касалась его самого. В остальных случаях – молчал. Но злился.

Он терпеть не мог, когда к матери приходили подруги, заводили разговор насморочными голосами, и его веселая, добрая, какая-то легкая мама сразу будто тяжелела, грустнела и вспоминала, что все суета и все мы умрем, а до этого нам предстоит жизнь, полная страданий. Она переключалась на темные стороны собственного бытия и обсуждала с подругами их и свои болячки, и кто кому что сказал, и какие анализы крови, и как все это не к добру. «А я ведь говорила, Марина! – уныло вещала какая-нибудь полная тетка, чьего имени Женя не помнил и запомнить не стремился. – Говорила тебе, что с таким холестерином ничего хорошего быть не может, и она тебе точно таблетки выпишет! А еще бывает...» И мама, которой до этого момента было, в общем-то, все равно, какой где холестерин, съезживалась и кивала, думая об уже постигших ее бедах и о том, что еще грядет. От гнусных теток она училась

¹ Здесь и далее стихи в переводе О. Рудской.

культивировать несчастья, жить в этих несчастьях, как в воде, и вздыхать, словно старушка на завалинке. Хотя была еще совсем, совсем молодая.

Женька ненавидел, когда вдруг объявлялись дальние родственники – из Тулы, из Кемерово, даже из Петропавловска-Камчатского пару раз прибывали! – и просили приютить на пару дней, а потом оказывалось, что «сынок приехал учиться, только что поступил на первый курс, а общежитие, Марина, ты же знаешь...». У матери была отличная трешка на Коломенской, в доме рядом с тихим парком, куда ходили гулять зимой – лепить снежных баб – и летом играть в догонялки среди цветущих яблонь. В этой трешке мама привечала невесть кого и всех жалела. Если ей звонила знакомая и начинала излагать с подробностями свои малопонятные проблемы, мама никогда трубку не клала, никогда не врала, что ей нужно в магазин, хотя зачастую и врать не надо было. Мать жила чужими несчастьями и иллюзией, что всем можно «как-то помочь» и «что-то исправить».

Ничем там нельзя уже было помочь, и ничего нельзя исправить, потому что не хотел никто ничего исправлять, а хотел получше устроиться, ни фиги не делать и потрындеть.

Как Люся с Васей.

– Мам, – сказал Женька, отодвинулся от компьютерного стола (колесики кресла плохо ехали по ковролину, и совершить лихой разворот не получилось), – зачем им со мной в Португалию? Пускай в Турцию едут. В Египет. Это... привычнее и более по статусу.

– Не думала я, что мой сын вырастет ханжой, – отчеканила Марина Викторовна. Когда в матери просыпался борец за права интеллектуальных меньшинств, она становилась весьма решительной.

– При чем тут ханжество, мам? Им самим окажется не очень интересно. Там никаких «все включено», никаких бассейнов с утра до ночи, мы на машине будем ездить... Кто придумал эту идею?

– Вася, – созналась мать. – Говорит, пора жить, как нормальные люди.

Женька снял очки и потер переносицу. За компьютером он часто работал в очках, чтобы глаза отдыхали от линз, но оправка была старой, натирала, а новую он никак приобрести не удосуживался – забывал.

– А что в понимании Васи значит «нормальные люди»? – уточнил Ильясов.

– Значит, на мир посмотреть, а не у бассейна валяться, – сказала мать и протяжно вздохнула. – Женька, ну возьми ты их с собой, а? Ну они же хорошие.

– Вот Аристарх Петрович, твой сосед, тоже хороший человек. Мне и его с собой взять?

– У Аристарха Петровича шенгенской визы нет. А у Люси и Васи есть.

– Куда Евросоюз смотрит, – пробормотал Женя. – Лучше бы Аристарх Петрович. Мама, это ерунда полная. Как я их с собой возьму? Я же с Софи еду.

– Ну и что? – удивилась Марина Викторовна, и эта непробиваемая убежденность в том, что нет здесь «ничего особенного», внезапно задела Женьку сильнее, чем весь предыдущий разговор. – Ты мне сам рассказывал, что вы не отдыхать едете, а что-то там с ее работой связанное. И ты снимать будешь. А Вася и Люся с вами. Чем плохо?

«Действительно, – подумал Женька, – чем плохо – захватить с собой сводную сестру и ее мужа, привыкших к Турции и Египту и смотрящих по телевизору «Кривое зеркало», в поездку по Португалии вместе с утонченной француженкой Софи? С той самой Софи, у которой звонкий смех и тонкие ключицы, которые подчеркивают узкие лямки короткой майки?» Женя почему-то так и запомнил – лямки, ключицы...

Вот напасть.

– Же-ень, – заглянула к нему за перегородку Анечка, молоденькая и белокурая, свежая, как цветок, – ты можешь...

– Т-ш-ш, – он прикрыл мобильник ладонью, – Ань, давай минут через десять, ладно?

Она кивнула и унеслась – умненькая, милая и понятливая.

Может, с ней и следовало ехать в Португалию, а не воображать себе... невесть что.

– ...и Вася тоже водить умеет, – говорила между тем в трубке мама. – В случае чего, сменит тебя.

– Упаси боже, – искренне сказал Женька. – Мама, это несерьезно. Я еду с Софи. Люся и Вася будут лишними.

Обычно прямой отказ действовал на Марину Викторовну, однако сегодня не сработал.

– Евгений, ты бесчувственное бревно, – сообщила мать сыну. – Ты помнишь, что в июне Люся в больнице лежала?

– Помню. – Сам Женька в этот момент находился во Франции с друзьями, а о том, что сводная сестра где-то лечилась, узнал постфактум. – Вы, кстати, так и не объяснили мне, что с ней было.

– Это по женской части, – уклончиво ответила мать, и стало ясно, что более точного ответа от нее не добиться. Да и не больно-то нужен этот ответ. – Но Люська с тех пор... сама не своя. Ей очень нужно уехать. Женя, пожалуйста. Я тебя очень прошу.

– Мам...

В такие моменты Евгений Ильясов, преуспевающий фотограф в модном еженедельном журнале, человек и паролог, понимал, что в нем все-таки гораздо больше материнских генов, чем он сам позволяет себе думать.

– Мам, я не один еду. Я спрошу Софи.

– Отлично, – повеселела Марина Викторовна, словно вопрос был уже решен. – Переzvони мне тогда, ладно? А ты где, на работе?

– Где мне быть, – буркнул Женька и нажал на отбой.

Некоторое время он тупо смотрел на умолкший мобильник, потом встал и отправился на редакционную кухню – делать себе кофе. Без кофе с Софи разговаривать бесполезно.

Женька влюбился в нее сразу.

Он не знал, что такое бывает на свете. До этого Ильясов, конечно, встречался с девушками, и даже с серьезными намерениями были отношения – не мальчик уже, за тридцать. Но любовная лодка разбилась о быт, Женя некоторое время жалел, потом привык, снова начал встречаться (с Олей? Или с Машей? А, нет, между ними была Ирочка), водил подружек в рестораны, на модные премьеры, когда удавалось выцыганить пригласительные в журнале, и даже иногда ездил с ними куда-нибудь – в ту же Турцию, например. Турецкие пляжи не требуют наличия мозга и особых усилий. Лежи на песочке, купайся, загорай, не забывай уделять внимание Леночке или Катеньке. Проблем-то.

Потом случилась поездка во Францию с закадычными друзьями, Франция встретила приключением, а в конце, словно приз за необычный отпуск, оказалась Софи Ламарре.

Женя влюбился мгновенно – еще тогда, когда увидел ее, когда Софи к нему подошла, и он засмотрелся на ключицы, на ноги, полускрытые светлой юбкой, и еле понимал, о чем ему говорит эта милая кудрявая француженка. Вечером они сидели рядом и болтали обо всем на свете, и оказалось, что не только в ногах и ключицах дело, а еще и в том, что поговорить о чем есть – и как поговорить! За полночь, не смыкая глаз, до самого роскошного нормандского рассвета!

Женька сам не ожидал, что так влюбится, и прятал смущение за разговорами и попытками понять, что же на самом деле происходит, прятался сам – за привычной камерой, смотревшей на мир равнодушно и пучеглазо. Он фотографировал Софи непрерывно, а она охотно позировала, смеялась у него в кадре, и фокус безошибочно выделял ее из моря зелени, из каменных стен старых замков и ярких летних цветов.

Ильясову казалось, что это он сам так выделяет, а вовсе не бездушный фокус.

К счастью или к несчастью, до отлета в Москву оставалось всего-то три дня, потому ничего непоправимого натворить Женька не успел. Уезжал он с мучительным чувством расставания, с визиткой Софи в кармане и с ощущением, что ничего и никогда не получится.

Но потом он написал ей по электронной почте, и Софи ответила.

Она ответила, и Женька словно сдурел, как выразился его закадычный друг Никита Малиновский. Вечерами Ильясов задерживался в редакции, потому что там он находился как бы на работе, и не желал идти домой, где совершенно определенно нет Софи. А Жене очень хотелось, чтобы она там была. Чтобы встречала на пороге, когда он приходит и у него руки отваливаются оттого, что целый день держал на весу тяжелый профессиональный фотоаппарат, встречала и целовала в губы своими прохладными губами.

Он даже с ней ни разу не целовался. Вот дерьмо. Merde, как говорят французы.

Зато он писал ей письма, как Наташа Ростова или княжна Марья – кто из них сочинял длиннейшие опусы на французском, переведенным глазоломным шрифтом в сносках, Ильясов решительно не помнил. Он писал, ежеминутно сверяясь со словарями, даже когда был уверен в слове, потому что не хотел, чтобы Софи перестала его уважать. Здравый смысл подсказывал, что из-за одной ошибки мадемуазель Ламарре точно не перестанет уважать своего русского друга, однако здравый смысл Женька давно и прочно похоронил, присыпал могилку землицей и воткнул жирный крест.

Они переписывались каждый день, иногда говорили по телефону, и это длилось уже два месяца, а потом, словно чертик из шкатулки, выскочила эта задумка с Португалией, и Женька уже обрадовался и решил, что тут-то он не даст маху...

Кофе. Исключительно кофе спасет смертельно раненного кота, если не найдется глотка бензина.

У Софи только-только начиналось утро: разница в три часа иногда делала общение удобным, а иногда – неудобным донельзя.

– Привет! – весело сказала Софи, сняв трубку после первого же гудка. – А я почему-то думала, что ты мне позвонишь сегодня!

– Почему? – спросил Женька и кофе глотнул, но немного, так, чтоб не обжечься.

– Я не знаю. У меня было предчувствие. И ты позвонил.

Ильясов улыбнулся, и хотя она совершенно точно не могла видеть, как он улыбается, ему хотелось думать, что девушка улыбнулась в ответ.

Но тянуть с новостями не следовало.

– Софи, мне позвонила мама, – начал он неловко, не зная, как сформулировать то, что его надежды на романтическую поездку трещат по швам, – и попросила, чтобы я... чтобы мы с тобой взяли в Португалию мою старшую сестру и ее мужа.

Молчание. Женька дорого заплатил бы, чтобы узнать, что происходит в данный момент в кудрявой головке Софи.

– О! Даже так? – наконец откликнулась девушка. – Почему она попросила об этом?

– Говорит, что сестре нужно... развеяться после лечения в больнице. – Общаясь с Софи, Женька поднабрался французского подросткового сленга (она охотно пересказывала ему самые яркие «перлы» своих учеников) и теперь мог выражаться более экспрессивно. Как раз такой случай. – Утверждает, что они нам не помешают, но я сказал...

– О, безусловно, пусть едут! – воскликнула Софи прежде, чем Ильясов успел договорить и убедить ее – и себя – что идея дурацкая. – Бедная женщина! Конечно, ей нужно сменить обстановку.

– Но... – Женя не знал, как объяснить ей. – Я думал, что мы поедем с тобой вдвоем...

– Если твоя мама просит, значит, у нее есть для этого причина, – сказала Софи. – Разве ты не понимаешь? Женщина не станет просить о таком, не имея серьезных оснований.

– Это Россия, – буркнул Женя, – целая страна без причин.

– Эжен, я не имею ничего против. Я с удовольствием пообщаюсь с твоими родными.

А сейчас мне нужно идти, хорошо?

– Хорошо, Софи. Удачного тебе дня.

– И тебе! – весело откликнулась она.

На том и распрощались.

Женя аккуратно положил трубку обратно на телефон (за границу он звонил с редакционного номера, что позволяло долго разговаривать) и задумчиво уставился в чашку с кофе. Не помог волшебный напиток трудоголиков, не подсказал великую мысль, как бы обойти эту ситуацию. Конечно, Женя знал решение: просто нужно сказать твердое «нет» матушке и что-нибудь сочинить для Софи, только...

Только вот он по-прежнему жил, как мушкетер. В детстве играл и сейчас продолжает.

– Дурак ты, Ильясов, – пробормотал Женя, глядя на отражение лампы в кофе – кривое и размытое. – Как есть дурак.

– Точно, – сказала рядышком Аглая Станиславовна, Женькина непосредственная начальница, – просто идиот! Я жду, жду фотографий, а он тут с кофе разговаривает!

– Пять минут – и готово, – буркнул Женька.

На душе было мерзко. Вроде бы все сделал правильно, никому не соврал, никого не подсел, и совесть молчит – а все же... Ильясов знал, почему так.

Потому что Софи легко согласилась. Значит, Эжен для нее – не пара в романтическом путешествии, как он это себе воображал. Всего лишь попутчик, друг, с которым можно отправиться в поездку – не более того.

2

*Однако слез же горьких не хватило,
И твой огонь они не потушили,
И льется кровь на жертвенник ручьями.
И смертью ты грозишь невинным душам.*

Луис де Вас Камознс

Любимые родственники опаздывали.

Женя, который давным-давно зарегистрировался на рейс, выбрав себе приятное место у окошка, начинал нервничать. Регистрация шла своим чередом, от длинной очереди пассажиров прямого рейса Москва – Лиссабон остался куцый хвостик. Обольщаться не стоит: минут через пятнадцать милые служащие аэропорта регистрацию прикроют, и Люся с Васей останутся с носом.

«Может, оно и к лучшему», – мрачно думал Женька, машинально постукивая пальцем по циферблату наручных часов. Возможно, судьба таким образом намекает, что Ильясов был прав и родственники в этой поездке – совершенно лишние. Стрелки неуклонно ползли вперед, еще немного – и нужно отправляться на таможенный и паспортный контроль. И гори оно все синим пламенем.

«Матери позвоню перед посадкой», – малодушно решил Женька. Он уже почти придумал, какие фразы произнесет и как выразит сожаление («Мам, я же говорил, надо было в Турцию! Ну, что теперь...»), когда надежды улететь в одиночестве исчезли.

– Женюрик сидит, скучает, – пробасили у него за спиной, и Ильясов, еле сдержавшись, чтоб не застонать, поднялся и обернулся. Вася стоял рядом, усмехаясь, и протягивал руку. Пришлось пожать.

– Привет, Женька, – чирикнула Люся и поцеловала его в щеку.

– Привет, – вздохнул он. – Идите в очередь, регистрация заканчивается.

– А мы рядом сидеть будем? – поинтересовалась сестренка.

– Не знаю. Вряд ли.

Они утопали, волоча за собою два объемных чемодана и сумки – и как теперь все в багажник запихивать?.. Ильясов проводил родственничков взглядом.

Забавная парочка. Женя никогда особо не был близок со сводной сестрой и ее мужем (слишком уж в разных областях находились их жизненные интересы), но даже при малом объеме общения он удивлялся, что они друг в друге нашли, – или, скорее, как эти голубки еще не разругались в пух и прах. Такие пары всегда скандалят. Наверное, и Люся с Васей скандалили, Женька не знал. Но жили вместе вот уже семь лет, он на свадьбе присутствовал и даже снимал бесплатно, из родственных чувств. Хотя какие там чувства...

Люся была маленькая, кругленькая, похожая на кадушку, в каких закатывают огурцы. Волосы тускло-русого цвета, либо собранные в хвост, либо – в малопонятный узел на затылке. У Люси были пухлые руки, бледные серые глаза и желтоватая улыбка. Рядом с ней Вася смотрелся могучим шкафом. Ширина Васи равнялась его высоте, а высота доходила до двух метров. Портрет дополняли мощная челюсть, кустистые брови, могучая шея и ручищи орангутанга. Женька был абсолютно уверен, что по юности Вася отжимал мобилы у пацанов в подворотнях. Сейчас он окончательно заматерел, начал лысеть, но редешающиеся волосы тщательно на лысину зачесывал.

Люся и Вася жили неприхотливой, или, как говорила Женькина утонченная подруга Ольга, обывательской жизнью: смотрели свой «Аншлаг» и футбол по телевизору, ездили за грибочками по осени, пололи грядки на купленной дачке и ругались с соседями, которым не нравилось, что рукастый Вася вечно что-то в квартире чинит. Бывало, и пивка накачивали, под воблу и все тот же футбол, но о бытовом пьянстве речи не шло, это Женька точно знал – от матери. Хотя Марина Викторовна рассказывала, что Вася иногда перебирал пива с мужиками. Кажется. Женя все эти разговоры пропускал мимо ушей – его не интересовали ни сплетни, ни родственники. Он с ними общался на семейных торжествах вроде чьего-то дня рождения, под салатки и торт, и этого ему вполне хватало.

Хватало, чтобы понять, что это за люди и почему у него нет с ними ничего общего.

«Сноб ты, Ильясов, – сказал себе Женька, – как есть сноб». И пускай. Пусть он лучше будет снобом, чем перестанет читать нормальные книги и перейдет исключительно на газету «Спорт-Экспресс», как Вася, или на любовные романы в мягких обложках, как Люся. «А сейчас, дорогие радиослушатели, перед вами выступит группа «Шаурма» со своим новым хитом «Он так мяукал!»

Женька эту глупость старательно обходил – радио выключал, телевизор принципиально не смотрел, новости читал в Интернете – а эти ничего, смотрели, слушали и новости узнавали по сплетням в желтой прессе.

Как так жить? И сможет ли он вынести неделю всего этого? И не много ли трагизма, или в самый раз?..

Родственнички возвращались, уже без чемоданов, зато с посадочными талонами в руках.

– Ты где сидишь? – спросила у Женьки Люся.

– Место 15 А.

– Вот черт! А у нас 24 В и С, – покачала головой сестра.

– Да какие проблемы! – гаркнул Вася. – Поменяемся. Давайте, рота, шагом марш, на выход!

Вася, в отличие от Женьки, не отправившегося в армию по состоянию здоровья, честно отслужил и любил вспомнить старые времена и выразиться по-военному.

На этапе таможенного контроля родственники разделились: Женька задержался – пограничники, как обычно, долго разглядывали содержимое его фоторюкзака и трогали аккуратно уложенные объективы, а Люся с Васей немедленно пропали в дьюти-фри. Покончив с формальностями, Ильясов уселся неподалеку от нужного выхода на посадку, достал электронную книжку и уткнулся в нее. Если нельзя избавиться от родственников, надо их игнорировать. Для него важнее всего Софи.

Минут через десять объявили посадку, Женька огляделся и понял, что Люся с Васей по-прежнему неизвестно где. Искать их в зоне дьюти-фри аэропорта Домодедово – занятие изначально бесполезное. Люся может нюхать духи. Вася может курить или с умным видом разглядывать бутылки виски. В любом случае родственники не глухие, не слепые и уже давно не маленькие. Женька подхватил рюкзак, показал свой посадочный талон стюардессе и прошел в самолет.

Соседками его оказались две милые девушки – блондиночка и рыжая – щебетавшие о каких-то общих знакомых. Обе взглянули на Женю с большим интересом. Ильясов улыбнулся им и поздоровался, предчувствуя, что хотя бы пятичасовой перелет в Лиссабон будет приятным.

Через пять минут он выяснил, что рыженькую зовут Даша, белокурую – Инга, что обе они первокурсницы МГИМО, а в Португалию летят на несколько дней – посмотреть столицу и походить по музеям, замкам и монастырям. Если бы не Софи, Женька не упустил бы случая взять на себя многообещающую роль гида (и неважно, что в Португалию он сам

летит впервые). Наклонившись к Инге, сидевшей рядом с ним, Ильясов заговорщическим тоном произнес:

– Девушки, если к вам подойдут такие довольно объемные люди, мужчина и женщина, и попросят поменяться с ними местами, не соглашайтесь ни за что.

– Это иностранные шпионы, которые хотят вас убить? – хихикнула Даша.

– Хуже. Это мои родственники.

– О-о! – на лицах отразилось понимание. – Хорошо, мы вас не выдадим!

Женька привстал и посмотрел назад – но нет, места Люси и Васи оставались пустыми, да и мимо родственники пока не проходили, не заметить их нельзя. Почти все пассажиры уже расселись, стюардессы ходили и закрывали багажные отделения, просили пристегнуть ремни и готовились к демонстрации мер безопасности. «Неужели...» – подумал было Ильясов, и тут его во второй раз постигло жестокое разочарование: появились Люся и Вася, запылавшиеся и обвешанные пакетами из дьюти-фри. В пакетах многозначительно позвякивало.

– О, Женька! – заговорил Вася, поравнявшись с пятнадцатым рядом. – Так вот ты где! Слушайте, девушки, может...

Белозубая стюардесса в форме португальских авиалиний мгновенно оказалась рядом.

– Sir, take your seat, please.

– Сядьте на места, – перевел Женя ненаглядным родственникам.

– Разберемся, – прогудел Вася и двинулся к двадцать четвертому ряду.

Даша и Инга негромко засмеялись.

– Так вот почему вы просили!..

– Зачем вы летите с ними?

– Если б я знал, – буркнул Женя и пристегнул ремень.

Самолет покинул грешную землю и серебристой стрелой пронзил низкие облака, и в салоне радостно, предвкушающе засияло солнце.

Женька всегда любил этот момент путешествий, когда все еще впереди, когда еще нет ни впечатлений, ни воспоминаний, которые затем сольются в единое целое, что и окажется в итоге чувством страны. Страны, куда ты летишь и которую пока совсем не знаешь. Страны, которая будет зафиксирована мгновениями и деталями на картах памяти твоего фотоаппарата, и потом ты станешь ее воспринимать именно так – сквозь эти цвета, контрастность и резкость, и лица, и каменную кладку, и цветочное буйство.

Ильясов всю жизнь мыслил кадрами, чередой запечатленных мгновений. И сейчас он автоматически отметил, что Дашу хорошо снимать в три четверти, а Ингу – в фас, и немного приподнять подбородок.

Жаль, поездка получается не такой, как предполагалось. Однако пять часов полета можно об этом не думать, просто болтать с хорошенькими девушками и привычно производить на них впечатление.

Минут через сорок после взлета Женя встал, извинился и отправился в туалет. Аэробус был здоровенный, туалеты для экономического класса располагались как в хвосте, так и в середине салона, и потому Женька пошел в середину, чтобы лишний раз не показываться на глаза родственникам. Он надеялся, что Люся и Вася о нем забудут.

Не тут-то было.

Когда Ильясов возвратился к своему ряду, девушек на привычных местах не наблюдалось. У прохода сидела Люся, посередине – Вася, оба – довольные, как бизнесмены, заключившие сделку века.

Женя посмотрел вдоль прохода – так и есть: рыжая и золотистая макушки торчали на двадцать четвертом ряду.

– А мы поменялись! – радостно огласил Вася очевидный факт. – Теперь вместе полетим!

Не ответив, Женя прошел дальше. Девушки глянули на него с испугом.

– Слушайте, я понимаю, мы обещали, – горячо заговорила Даша, – но они чокнутые, ваши родственнички. Этот мужик сказал, что им позарез необходимо сидеть с вами, и если мы не уступим места, он нас на руках перенесет...

– Дело не в том, что он сказал, а как, – перебила Инга. – Мы не решились связываться. Извините.

Вася-дембель в своем репертуаре. Понятно.

Ильясов кивнул, принес свои извинения и вернулся на место. Сидеть рядом с зятем оказалось настоящей пыткой, в основном из-за Васиной толщины. Женя был худым и невысоким, и расположившийся на среднем сиденье «шкаф» просто вжимал его в иллюминатор.

Пережить оставшееся время полета оказалось непросто. Родственники громко разговаривали, вспоминая последнюю поездку в Египет, раскрошили половину самолетного завтрака, а Вася опрокинул Женьке на джинсы остатки своего кофе. К счастью, кофе к тому времени успел остыть; к несчастью – запасные джинсы находились в чемодане, на самом дне, и это означало, что перед Софи придется предстать с безобразным коричневым пятном на коленке.

– Салфеточкой потри, – деловито посоветовала Люся, протягивая Жене влажную салфетку для рук. Ильясов взял и угрюмо потер, разумеется, безрезультатно. Кофе был хороший, а потому впитался на совесть.

– Спасибо, Вася, – процедил Женька.

– Да не сердись, брат! – Зять хлопнул Ильясова по плечу так, что Женя едва не уткнулся носом в свой недоеденный бутерброд. – Подумаешь, беда! Во, смотри, – Вася ткнул пальцем в жирное пятно на своей футболке, – я тоже обляпался и не переживаю!

– Я в отеле застираю, Васенька, у меня с собой порошок есть, – проворковала Люся, и от этого диалога Женьку чуть не стошнило.

Как, как они живут?! Как можно гордиться тем, что ты уронил кусок масла на свою могучую грудь, небрежно потер пятно ладошкой, да так и ходишь целый день? Как можно брать с собой в поездку стиральный порошок (а что там еще у них в чемодане? Плита? Кастрюли и сковородки? Любимое мягкое сиденье для унитаза?!) и потом застирывать испачканную футболку в раковине или в душе? Что это за мышление такое? Что это за... провинция, блин? А ведь москвичи оба...

Остаток полета Ильясов смотрел в окно. Молча.

Самолет заходил на посадку красиво – так, что виден был и раскинувшийся внизу Лиссабон, и устье реки Тежу, и длинные мосты через нее, и залив. Солнце эффектно сверкало на водной глади, город струился по холмам, и Женькино настроение понемногу начало исправляться. Черт с ними, с родственниками. Сейчас он увидит Софи, и впереди целая неделя с ней.

Путешествие началось, и все кругом было уже не такое, как всегда, не будничное. Какие-то надписи на португальском (хотя больше на английском, международном). Таможенник, посмотревший в паспорт и показавший белые зубы в широкой улыбке. Солнечный свет в громадных окнах. И даже в аэропорт проникал этот изумительный запах – сухой травы, нагретой солнцем до упоительной хрусткости.

Пока ждали выдачи багажа, Ильясов сходил в туалет и кое-как оттер коварное пятно на коленке; полностью оно не исчезло, но поблекло, и то хлеб. Вернувшись, Женя обнаружил, что чемодан его как раз выплывает на ленте транспортера. Ильясов подхватил имущество под сытый черный бок. Родственники все еще ждали своих сумок.

– Я выйду, мне надо Софи встретить, – сказал Женя. – Как получите багаж, присоединяйтесь.

И он поспешно зашагал прочь, пока его не остановили.

Хотя бы пара минут есть! Первые мгновения встречи с женщиной, в которую так безнадежно влюбился...

Софи прилетела часом раньше и теперь ждала Женьку у выхода с его рейса – тонкая, как ветка ивы, в чем-то нежно-бежевом, Ильясов даже поначалу не разглядел, в чем именно. Она помахала рукой, едва его увидев, и Женька махнул в ответ, быстро обогнул парочку неторопливых пассажиров и поцеловал Софи в щеку.

– Привет.

– Привет! – девушка улыбалась. – Наконец-то я вижу тебя не на экране компьютера, в этом жутком качестве, как из фильма ужасов.

– Я тоже не мог дождаться. – Это была фраза из мира любовных романов в мягких обложках, но по-французски Женя выражался куда романтичнее, чем по-русски. Русский язык, великий и могучий, отлично годился для работы, а вот французский, да еще в обществе Софи, шел исключительно в приглаженном варианте.

– Где твоя сестра и ее муж? – французенка заглянула за спину Женьки и, никого не увидев, непонимающе нахмурилась. – Они не прилетели?

– К сожалению, прилетели.

– Тебя это огорчает? – Она коснулась его плеча узкой ладошкой. – Не стоит. Впереди путешествие, нельзя огорчаться в самом начале.

– Плохая примета?

– О да. Французская плохая примета. – Софи улыбалась так, что Ильясов смотрел на нее, смотрел и вдруг понял: «Она будет моей».

Ему неважно как, неважно когда, но эта женщина просто обязана быть его! Нет, не обязана, никаких насильственных обязательств, просто... так случится. Она об этом еще не знает, но однажды они будут вместе. Хотя сейчас это кажется практически невозможным.

– Что-то случилось? – спросила Софи. – Ты странно на меня смотришь, Эжен.

– Все хорошо, – медленно произнес он, стараясь, чтобы голос звучал как обычно, и тут кто-то похлопал Женю по плечу. Судя по силе удара – Вася.

Родственники стояли рядом, увешанные своим багажом, которым можно мамонта убить, и улыбались так лучезарно, что при всем желании их нельзя было заподозрить в нехороших намерениях.

– Софи, познакомься, – сказал Женька, – это моя сестра Люся и ее муж Вася. Ребята, это моя... подруга, Софи Ламарре, – добавил он уже по-русски и с обреченностью приговоренного подумал о том, что в ближайшие дни ему придется переводить, переводить, переводить... непрерывно.

– Люсиль и Базиль! Как мило. – Софи тут же переименовала имена на французский лад и поочередно пожала родственничкам руки. – Я рада с вами познакомиться.

– Какая хорошенькая! – восхитилась Люся. На фоне легкой, будто из слоновой кости вырезанной Софи она смотрелась еще невыгоднее, и Женька внезапно ее пожалел, но тут же приказал себе не поддаваться подобным чувствам. И правильно, так как Люся сразу добавила: – А говорят, французенки знают толк во всяких любовных штучках. Правда, что ли, Женька?

– Неправда, Люська, – в тон ей ответил Ильясов, продолжая лучезарно улыбаться, чтобы Софи, пока еще мало понимавшая по-русски, не заподозрила неладного.

– Да что они там могут знать, – как теплоход, прогудел на весь зал прилетов непосредственный Вася. – В ней веса, как в кошке. Баба должна быть в теле! – и он похлопал Люсю по округлому плечу. Сестра кокетливо хихикнула.

Софи переводила взгляд с них на Женю, ожидая, пока ей переведут.

Благослови, господь, британских ученых, которые пока не придумали, как встроить синхронный переводчик в человеческие мозги!

– Люсиль и Базиль, – сказал Женя, – выражают свое восхищение твоим внешним видом и вашим знакомством. Предлагаю пойти за машиной.

– О, конечно.

У Софи был с собою небольшой, абрикосового цвета чемоданчик и сумка через плечо. Вряд ли она отдала бы свой багаж Ильясову (эмансипация достигла невиданных высот, зачастую переходящих в чистейшей воды абсурд), да и он не смог бы взять это абрикосовое нечто. Но хотел.

«Это из пионерского детства, – мрачно подумал Женька. – Дергай одноклассницу за косички и носи ее портфель, тогда она поймет, что нравится тебе». Беда в том, что, во-первых, ему уже за тридцать, детство осталось далеко позади, а во-вторых, во Франции с пионерией как-то... иначе. Культурный контекст совсем другой. Хотя пионерская организация там существовала, насколько Женя помнил.

– Идем, – велел Женя родственникам, повернулся, высматривая табличку с многозначительной надписью «Rent a car»², и тут мужской голос, бархатный, как коробочка с обручальным кольцом, произнес совсем рядом:

– Mon Dieu, Sophie! C'est toi? Est-il possible?³

² Аренда автомобиля (англ.).

³ Мой бог, Софи! Это ты? Возможно ли это? (фр.)

3

*С собою я в опасную дорогу
Взял много молодых и одаренных,
Восторженных, толковых и веселых,
Готовых к приключениям и славе.*

Луис Вас де Камознс

Незнакомец оказался выше Женьки где-то на полголовы – а Софи, значит, на голову. Загар, который принято почему-то называть альпийским (приобретаемый зачастую не в Альпах, а в соляриях), художественно взъерошенные черные волосы, голубые глаза того неповторимого холодного оттенка, что бывает у крупных топазов. Снимать в три четверти, прикинул Ильясов, и голову чуть наклонить, а очки зацепить дужкой за вырез рубашки... а, они так и висят.

Мужчина, обратившийся к Софи по имени, явно знал, как себя подать.

– Неужели не помнишь? – весело спросил он, обращая внимание на Софи, только на нее, и ни на кого больше. – День рождения твоего отца, ресторан в «Негреско»...

– Анатоль! – она всплеснула бы руками, будь обе свободны, а так пришлось махнуть одной. – Конечно же!

Они расцеловались – три раза чмокнули воздух друг у друга над щеками, – и неведомый Анатоль отодвинулся, разглядывая Софи.

– Превосходно выглядишь, дорогая. Не ожидал тебя здесь увидеть. Какие-то дела?

– Отпуск и работа.

– Но, дорогая, – усмехнулся француз, – если уже говоришь «работа», то какой же это отпуск? – Тут он соизволил заметить остальных. – Это твои спутники?

– Мои друзья. – Она поочередно представила их – Эжен, Люсиль и Базиль. – Они из России. А это Анатоль Делорм, мой знакомый.

– Милая, – притворно ужаснулся тот, – ты связалась с русскими? Они ведь страшные люди. Даже Наполеон бежал от них.

– Это было двести лет назад, – вежливо напомнил по-французски Женя, которому все это надоело, – но никто не мешает вам и сейчас последовать его примеру.

Анатоль приподнял словно нарисованные углем брови и ответил с веселым изумлением:

– Браво! Вы меня осадили. Конечно, времена меняются, вы правы. Может, я ошибаюсь, русские не такие грозные, как раньше, и теперь они побегут, если представится случай?

– Ну, если Франция пойдет на Россию войной, думаю, наше миролюбие исчезнет мгновенно, – прищурился Женька.

– Господа, довольно! – весело попросила Софи. – Не хватало еще, чтобы вы затеяли спор о политике!

– Женюр, – гаркнул Вася, – о чем вы с этим Толиком говорите-то?

– О погоде, – процедил Женька.

Делорм все смотрел на него насмешливо, и эта насмешка жалила, как крапива.

Еще бы. Три типичных русских туриста за спиной у прелестной европейской девушки – Люся с ее круглым лицом и в дешевой одежде, Вася в футболке «I love Turkey» с жирным пятном ровно над «love» и сам Женька – взъерошенный, злой, в залитых кофе джинсах и с фоторюкзак, который, надо признать, давно поистрепался. Ходячие герои анекдотов.

А напротив – этот, словно с рекламной картинки, свеженький и благоухающий, в светлой рубашке и брюках, о стрелки на которых порезаться можно.

– Софи, нам пора идти, – напомнил Ильясов.

– Да-да, – заторопилась она. – Приятно было увидаться, Анатоль.

– До свидания, дорогая. Может, еще встретимся. Передавай привет родителям.

– Бывай, Толян! – напутствовал нового знакомого Вася, и все двинулись по своим делам: Анатоль – в направлении неизвестном, а остальные – туда, где Ильясов углядел все-таки указатель на стойки аренды машин.

– Откуда ты его знаешь? – спросил Женька, стараясь от злости не шагать широко, иначе Софи на своих каблучках за ним не успеет.

– Анатоля? Да я его совсем не знаю, – поморщилась она. – Однажды виделись на дне рождения отца. Он чей-то родственник или друг, я не помню. – Софи оглянулась, но Анатоль уже исчез в толпе. – Припоминаю только, он говорил, что рисует. Наверное, приехал искать вдохновения. Художники часто так делают.

– Ну-ну, – пробормотал Женя по-русски, а по-французски сказал: – Слащавый тип. Я таких сотнями в рекламе снимаю.

– По-моему, он упоминал, что работал моделью.

– Неудивительно.

– О, конечно. С такой внешностью это логично.

«Интересно, что можно делать с такой внешностью, как у меня? В коровниках убираться?»

Ильясов был далек от планомерного самоуничтожения, но иллюзий на свой счет тоже не питал. Экстерьер так себе, средненький, для обложки не годится. Типичная русская внешность, волосы неопределенно-русого цвета, серые глаза не сверкают небесной синевой, да и телосложение – обычное, без этой ленивой рекламной грации. Закадычная подруга Ольга в минуты тяжких алкогольных откровений, случавшихся по студенческим временам, уверяла Женьку, что он «хорошенький», просто бабы идиотки, и он чувствовал себя нормально, и знал, как девушку закадрить, и кадрил, – только вот с Софи это не работало.

Занятый мрачными размышлениями по поводу красавчика Анатоля, встреча с которым вызвала у Софи больше эмоций, чем встреча с Ильясовым, Женя на автомате оформил аренду машины, вписал вторым водителем мадемуазель Ламарре, а третьим – дабы избежать смерти во цвете лет – Васю. Тот настаивал, а когда Вася настаивает, проще поддаться, чем объяснить, почему «нет».

– Они забавные, – шепнула Софи, когда служащий за конторкой выдал ключи от машины и показал, где гараж.

Женя порылся в памяти и, не найдя французского слова для «обхохочешься», просто кивнул.

Авто бронировали через Интернет, и поначалу, когда никакие родственники еще не маячили на горизонте, Женя заказал для себя и Софи новенькую двухместную «Ауди», от которой затем с сожалением пришлось отказаться. Вместо нее выдали нечто, по габаритам напоминающее катафалк, а в документах записанное как «Nissan Primera Wagon».

На деле «катафалк» оказался длинной золотистой машиной с кузовом такого объема, что у Жени появилась надежда втиснуть туда все вещи и не загромождать салон.

– Ишь, какая машинка-то... женская, – высказался Вася. – Черную, что ли, не могли дать, или серую?

– А ты что, на цвете будешь ездить? – буркнул Ильясов.

– Дак, Женюрик, несолидно как-то.

– А что солидно? «Жигуль» обшарпанный?

– И чем тебе не угодил отечественный автопром? – мгновенно завелся Вася. – Да машины делали – класс! Не чета нынешним! «Лада Калина», тьфу! – он сплюнул. – Вот у моего деда был «Запорожец» – вот это зверь, не машина, а зверь! Может, на трассе он и не так свистит, как все эти новые, модные, зато едешь себе на нем потихоньку, едешь и точно знаешь, что доедешь.

– Ага, аккурат как состаришься, – хмыкнул Женя. – Давай, Вась, нет у меня времени с тобой спорить. Грузись.

– Сказал тоже!..

Ворчать зять продолжил, но чемоданы погрузил легко и сложил аккуратно, и фоторюкзак умудрился ничем не придавить – удивительно.

– Так, – сказал Женя, устраиваясь на водительском сиденье и подгоняя его под себя – чуть отодвинул назад, чуть приподнял спинку. – Софи, карта у тебя?

– Я ее даже изучила, – похвасталась девушка, впархивая на пассажирское сиденье рядом с Женей. Сразу повеяло цветочными духами, и он понял, как сильно все-таки соскучился по ней. И как хотел бы оказаться сейчас с ней наедине, без этих пыхтящих родственничков за спиной. Доехать до отеля, закрыть двери в номер и никуда не выходить, и пропадай она пропадом, эта Португалия. – Мне было нечего делать после прилета, я купила и изучила.

– Тогда ты командир, – сказал Женя, вырuling с парковочного места, – я в незнакомых дорогах плохо ориентируюсь.

– Ладно. Только, – Софи хитро улыбнулась, – ты попросил меня купить карту, и я купила, но это как сувенир, да? – Она порылась в сумочке и извлекла плоский черный приборчик. – Я взяла навигатор. У меня здесь загружены самые новые карты всех дорог в Европе.

– Ты гений, – вздохнул Женя.

Навигатор подключили, задали ему маршрут, и механический голос немедленно сообщил по-французски, что нужный съезд через триста метров, направо.

– Ты смотри, как щебечет, – одобрительно сказал с заднего сиденья Вася. Он расположился за Женей, и громкий голос зятя давил на уши. – Это что он говорит?

– Вась, наверное, как наш – куда поворачивать, – сообразила Люся.

– Хорошо, – одобрил зять. – Это правильно.

Машина вынырнула из многоэтажной парковки, плавно вписалась в поворот (Ильясов мысленно похвалил и «катафалк», и собственные водительские навыки, с июня не востребованные) и выкатилась на гладкое шоссе с чистой, яркой разметкой. Движение оказалось интенсивным, однако не настолько, чтобы пугаться. Это вам не Париж, где водители устраивают гонки без правил. Вежливые португальцы, завидев номера арендованной машины, и пропускали, и давали перестроиться, и даже не гудели сердито – видимо, никуда не торопились. По бокам шоссе что-то цвело и наверняка пахло. Женя опустил стекло наполовину, чтобы почувствовать ветер незнакомой дороги. Ветер незнакомой дороги! – как звучит, а пахнет еще лучше. Если воздух может пахнуть солнцем, это именно такой случай.

– Васенька, смотри, какая машина за нами едет!

– Это «КамАЗ», – авторитетно высказался зять.

– Да никакой не «КамАЗ», разве они тут есть?

– Они есть везде!

Софи с любопытством глянула назад и попросила:

– Пока мы едем, Эжен, расскажи мне, кто твои родственники, чем занимаются. Нам ведь нужно познакомиться, а мы совсем друг друга не знаем.

Женя глубоко вздохнул.

– Люсь, что мне рассказать о тебе Софи? Рассказать, как тыквы воровали?

– Ой, не надо! – ахнула Люся. – Женька, не смей!

– Давай-давай, Женюр! – захохотал Вася. – Про тыквы!

Софи вежливо улыбалась, ничего не понимая.

– Люся не хочет, чтобы я рассказывал, как мы с ней в детстве воровали... тыквы. – Он не сразу вспомнил, как будет «тыква» по-французски, но вспомнил и порадовался: все-таки языковая практика идет на пользу. – Мы гостили у друзей родителей в деревне, а на соседнем участке жила противная... гм... старуха. Она гоняла детей, но, как водится, малина у нее была самая сладкая в округе.

– Же-ень! – жалобно проблеяла Люся, до которой дошло, что братец сдает ее с потрохами.

Ильясов бессердечно продолжал:

– Конечно, нам хотелось этой малины, а старуха не позволяла ее рвать. А еще у нее на огороде были тыквы. И вот однажды Люсиль сказала мне: «Дорогой мой брат Женя! Давай жестоко отомстим старухе! Мы украдем самую большую тыкву, и злая женщина будет громко плакать!» И кстати, тыква там такая имела, наверное, с полметра в диаметре.

– Вася, он рассказывает! Стыдно ведь!

– А так тебе и надо, – ответил ей Женя по-русски и дальше говорил для Софи: – Вечером, пока родители сидели на террасе и пили чай, мы отправились воровать самую большую тыкву. Было очень темно, мы залезли на огород и пробирались ощупью.

– А фонари? – уточнила Софи.

– Это у вас везде фонари горят, даже на затерянном в лесах участке, – объяснил Женя, – а у нас национальный спорт – лампочки камнями разбивать... Словом, темно было кошмарно. Люсиль мне говорит: «Эжен, ты смотри, чтобы старуха не подкралась, а я буду воровать тыкву». Я стою, на звезды засмотрелся, Люсиль в огороде... гм... ищет. Наконец подходит ко мне, говорит: «Я ее взяла». «Самую большую?» – спрашиваю я. «Да-да, самую большую». И мы выбираемся с огорода, торопимся к дому и уже там, на свету, рассматриваем добычу... А это – незрелая дыня размером меньше, чем шар для боулинга. Вот такая примерно, – Женька показал и торжественно закончил: – Так Люсиль украла самую большую тыкву!

Софи помолчала-помолчала, а потом захохотала, совсем как Ольга, когда впервые услышала эту историю, и у Жени слегка отлегло от сердца.

Может, и не так велика она, культурная пропасть...

– Ну темно же было, – проныла Люся. – Я что нащупала, то и взяла...

– Моя сестра говорит, что было темно, – перевел Женя, – но я полагаю, дело в обычной человеческой лени. Большую тыкву надо катить, обеспечивать пути отступления, наконец, где-то прятать и потом что-то с ней делать.

– А с дыней как поступили? – поинтересовалась Софи, все еще смеясь.

– Съели, конечно.

– Незрелую?!

– Потом животы болели, но это уже частности. Это добыча, ее надлежало съесть.

– Прекрасная история, – одобрила Софи. – Только это было много лет назад. А сейчас?

– Что сейчас? Воруют ли мы тыквы? Нет, с криминалом я тогда и покончил.

– Сейчас твоя сестра чем занимается?

– Она работает в сфере торговли, – сказал Женя. – Люсь, кто ты сейчас по должности?

– Завскладом...

– Заведующая складом. В супермаркете.

– Ответственный пост, – одобрила Софи. Женька перевел, и Люся расцвела. – А Базиль?

– Базиль – слесарь, у него своя мастерская. – Предчувствуя, что придется давать Софи кое-какие пояснения, Ильясов заранее выучил необходимые термины. – Что угодно почи-

нить может. Или, если замок заклинило, вскроет. Вот с кем надо было ходить на тыкву, а не с Люсиль.

– А твоя подружка, она кто? – спросил Вася, с интересом прислушивавшийся к французскому щебетанию.

– Я же говорил – она преподаватель и специалист по приему и размещению туристов в Нормандии, – напомнил Женя. Хорошая дорога, солнечные блики на близком океане и внятные указания навигатора настраивали на оптимистичный лад. – В этой поездке ей нужно собрать кое-какие материалы. Об этой... как ее... Софи, как зовут эту женщину? Инес де Кастро?

– Инеш де Каштру, так говорят португальцы, – кивнула Софи. – Самая романтическая история любви. Из-за нее мы сюда и приехали.

4

*Так возвеличил Одиссей Афины,
Что к грекам относилась благосклонно,
Она снесла тогда твердыни Трои,
Чтоб он воздвиг величье Лиссабона.*

Луис Вас де Камознс

Эшторил, самый фешенебельный курорт Ривьеры, издавна облюбованный европейской аристократией, бурлил, словно котел с гречневой кашей. Если в мае здесь еще бывало тихо, то с июня начиналось отдохновенное столпотворение – да так до сентября и не заканчивалось. Капризный климат Португалии в августе улучшался и дарил туристам череду жарких безоблачных дней, когда можно валяться на пляже, гулять под пальмами на бульварах или же пить холодный чай в уличных кафе, утыканных полосатыми зонтиками. Кто-то пропал на полях для гольфа, похожих издали на куски замши, кто-то уже стремился в казино, едва проспавшись после вчерашнего... Океан пестрел парусами лодок и серферов, моторка тащила традиционный «банан»; сидевшие на нем счастливые туристы визжали так, что с берега было слышно. Когда проезжали по городу, за казино увидели столпотворение – проходила местная ярмарка ремесел. Это означало, что там живописно продают различные непонятные штучки по приемлемым ценам. Ильясов решил про себя, что попозже можно будет навестить на ярмарку – в журнале пригодится все, особенно «редкие» съемки, вроде фестивалей и таких вот местечковых мероприятий. А что не купит журнал, то продается в Интернете на фотобанках.

Эшторил сверкал, манил и переливался: он был в сезоне, в расцвете и жаждал себя показать.

Женя выбрал это место отчасти по просьбе Софи, желавшей немного позагорать (а в самом Лиссабоне делать это скучно), отчасти в надежде, что Вася с Люсей сгинут на пляже, в привычной своей среде, и можно будет о них позабыть. В отеле «Сана Эшторил», расположенном очень удобно – недалеко от пляжа и с видом на бухточку, – предполагалось только ночевать. В соответствии с разработанным планом следовало зарегистрироваться, оставить чемоданы в номерах и поехать осматривать Лиссабон, где и обед, и достопримечательности. Столица находилась всего-то в полчаса езды, и то если не очень торопиться. Кроме того, дальше, прямо за Эшторилом, располагался Кашкайш – еще один фешенебельный курорт Лиссабонской Ривьеры, где шагу нельзя было ступить, чтобы не наткнуться на модный магазинчик или модный ресторанчик. Там тусовалась прогрессивная молодежь.

Ильясов полагал, что, увидев сверкание океана и привычную череду лежаков на пляжном песке, Люся и Вася немедля очаруются и оставят своих спутников в покое. Не тут-то было.

– Так, в Лиссабон поедем? – деловито спросила Люся, когда ключи от номеров были получены. – Сразу?

– Минут через пятнадцать, – буркнул Женька, остро сожалея, что родственнички не клюнули на приманку.

Ну и ладно. Насладиться обществом Софи ему никто не помешает.

Через некоторое время путешественники встретились на парковке, у машины. Женька наконец сменил заляпанные джинсы (хотя Софи ни слова не сказала и на пятно даже не смотрела, а женские взгляд такие вещи отмечает мгновенно, это Ильясов точно знал), Вася

– футболку (на этой было написано «Пью где хочу»), а Софи переделалась в чудные шортики, открывавшие длинные загорелые ноги, и белый топ – как тогда, при первой встрече во Франции. Женька посмотрел на Софи, отвел глаза, потом еще посмотрел; французенка нацепила на нос солнечные очки, сдвинула на затылок летнюю кепку «блином» и сказала:

– Если мы пока не лежим на пляже, буду загорать так.

– Она ж обгорит, бедная! – ахнула Люся, благодаря длинным льняным штанам и блузке такой опасности намеренно избегавшая.

– Не обгорит, – пробормотал Женя, не в силах больше отвести глаз от Софи. – Ты ведь не обгоришь?

– О, нет. Я не обгораю, но твоей сестре спасибо за заботу. Спасибо, – неожиданно произнесла она по-русски.

– Надо же, по-нашему знает! – восхитился Вася, который, по всей видимости, воспринимал Софи, как дрессированную собачку, и ждал, что она еще выкинет, радуясь новому трюку. – А дальше?

– Я пока мало знаю по-русски, – объяснила Софи, когда Женька ей перевел, и старательно выговорила: – Здравствуйте, спасибо, пожалуйста, извините. Это все, – развела она руками.

– Ну-у, не порядок, – не одобрил Вася. – Что ж ты, брат, ее не научил?

– Не научил, – Ильясов открыл для Софи дверцу машины. – Все, поехали.

Дорога вилась вдоль берега – слева аккуратные домики, отели, кафе, справа – набережная и громадная, нереальная какая-то гладь океана. Был штиль, и вода смутно отражала небо, как начищенный воском пол бального зала отражает люстры и лепнину. На середине пути к Лиссабону Женька остановил машину на парковке, объяснив, что хочет сделать несколько снимков, все вышли, а он полез в рюкзак, прикрутил нужный объектив, отошел на пару шагов, прицелился... и опустил фотоаппарат.

Мелочи жизни, неудачный перелет, злость на Васю и Люсю и столкновение с поклонником Софи мешали Женьке ощущать самую главную радость: он приехал. Он приехал в другую страну, со своими, пока непонятными ему обычаями, с другим ритмом жизни, с другим океаном, наконец. Атлантика дышала солью и йодом, несла шорох прибоя и крики чаек. За спиной с плотным шорохом проносились по гладкому шоссе машины. Неизвестное дерево нагло раскинуло ветви над скамейкой, на которой пристроился местный житель, а под – собака неопределенно-бурого цвета, и безнаказанно цвело пушистыми красными кисточками. Софи подошла к краю ограждения и с любопытством посмотрела вниз, на пляж под обрывом. Люся рассматривала дерево и о чем-то спорила с Васей. Ильясов поднял фотоаппарат и снял все это – и ленивую собаку, и Софи в ее кепочке, и родственников на фоне местной растительности.

– Внутренний покой, внутренний покой, – пробормотал Женька, словно обучавшаяся кун-фу панда из диснеевского мультлика.

Черт с ними, с неприятностями. Он здесь, с Софи, он будет радоваться, получать удовольствие и думать, как завоевать девушку своей мечты. Остальное – суета.

– Поехали дальше, Эжен? – спросила Софи, подходя к нему.

– Мне нравится, как ты произносишь мое имя, – ответил он невпопад.

– Да, ты говорил. Поедем дальше? Я хочу есть, и пока будем обедать, жара спадет, сможем осмотреть Лиссабон.

В некоторых вопросах Софи была очень практична. К тому же у нее явно имелись свои планы: ей предстояло рассказывать об истории Португалии школьникам, и девушка хотела посмотреть те места, о которых пойдет речь.

– Конечно, едем.

– ...А я говорю, это акация! – долетел до Женьки голос Люси.

– Какая ж акация? – возражал Вася. – У акации такие цветочки... э... пимпочками! А эти ершиками!

«Фантастика, – подумал Женька. – Не Василий Чесноков, а, по меньшей мере, Борис и Аркадий Стругацкие в одном флаконе. Какая экспрессия, какая образность! Ершики!»

Этот приступ внутреннего ехидства изрядно Женю развеселил, так что родственников удалось упаковать в машину без тяжелых последствий для психики. И выслушать продолжавшийся спор за акацию и против – тоже.

После перелета всем хотелось есть, а потому первым делом Ильясов притормозил у памятника первооткрывателям, вспомнив, что рядом, если верить путеводителю, располагается отличный рестораник с видом на реку, на достопримечательность и на столпившиеся у пирсов яхты.

Монументальное меню одним своим видом вызывало слюноотделение, и, с учетом наличия Васи, заказали не просто от души – от щедрой русской души. Официант никакого удивления не выказал, будто мужики размером с медведя, требующие «сразу две страницы подряд, ничего не пропуская», – это в славном городе Лиссабоне в порядке вещей.

– Красота! – одобрил Вася, разглядывая монумент в форме каравеллы с уносящейся в небеса мачтой. – Это что же за лодка с юными ленинцами?

– Памятник первооткрывателям, – охотно объяснила Софи, узнав суть вопроса, и Женька, смирившись со своею горькой долей, принялся переводить. – Отсюда, с края европейской земли, отплывали отважные моряки в поисках неизведанных земель. Фигуры на каравелле – это знаменитые исследователи и люди, чем-то прославившие Португалию, – Васко да Гама, Магеллан, разные короли, поэты и художники... Высота монумента, – Софи сверилась с толстым французским путеводителем, утыканным закладками, который неизвестно как помещался в ее микроскопической сумочке, – пятьдесят два метра. Наверх можно подняться на лифте.

– Страсть какая! – испуганно сказала Люся. – Ни за что не полезу!

– А как же культурное обогащение? – поддразнил ее Женя.

– Обогащусь внизу. – Сестра решительно вцепилась в принесенный официантом бокал свежавыжатого сока, украшенный сочной клубничной, и с хлюпаньем присосалась к трубочке. Ильясов закатил глаза.

– И правильно, Люська, нечего по памятникам скакать! – одобрил Вася. – Что-то долго они еду несут!

Учитывая, что со времени заказа прошло минуты три, требование звучало по меньшей мере странно, однако Васю такие мелочи не волновали.

– Все в порядке? – тихо спросил Женька у Софи, пока сестра с мужем живо обсуждали, какой на курортах неторопливый обслуживающий персонал. – Тебя не слишком раздражают мои... родственники?

– Меня – нет, – улыбнулась одними уголками губ Софи. – Но я ведь не понимаю всего, что они говорят. Хотя, конечно, они очень... шумные.

В устах вежливой, воспитанной француженки это означало приблизительно следующее: «Они ведут себя странно, на мой взгляд, и не всегда воспитанно, однако я никогда им об этом не скажу – это неучтиво». То, что Софи создалась в этом Женьке, означало большую степень доверия. Французы, считающиеся довольно эмоциональной нацией, подобные вещи обычно держат при себе.

– Извини, что я их сюда привез, – кивнул Ильясов и опустил свою ладонь на руку Софи, лежавшую на подлокотнике кресла. Девушка не сделала ни малейшей попытки отстраниться, и Женю это чрезвычайно порадовало. – Мы можем сбежать от них.

– Что ты! Они ведь не говорят по-английски. Они потеряются.

– Как твои ученики, да?

Софи недавно писала ему, как в конце учебного года вывозила группу учеников на экскурсию в Реймс и как парочка юных оболтусов умудрилась там потеряться.

– О, да! – оживилась Софи. – Я думала, кого мне напоминают твои родственники. Моих учеников! Нужно относиться к ним соответственно.

– Не считая того, что оба старше нас...

– Взрослые туристы иногда откальвают такое, что мои школьные негодяи – Эйнштейны по сравнению с ними, – усмехнулась специалистка по приему и размещению этих самых туристов. – Мне нужна практика. Туризм в Нормандии развивается, возможно, к нам станут целенаправленно и часто возить русские группы. Я хочу понимать ваш менталитет.

– Пока еще не разобралась?

Она покачала головой.

– Я пытаюсь понять с твоей помощью, через ваших писателей, читаю новости о России, но... Это очень сложная страна.

– Приезжай и посмотри на нее, – предложил Женька, и, к его радости, Софи без малейших сомнений кивнула:

– Конечно. Как только меня отпустят больше чем на неделю, и не в сезон.

– Не в сезон ты рискуешь увидеть только русских медведей и балалайки, – пошутил Ильясов.

– О, не дури меня! Этот миф я уже знаю.

– *Se faz favor*⁴. – Официант поставил перед Софи миску с салатом, обреченно торчавшим во все стороны приторно-зеленой рукколой.

– *Obrigada!*⁵

– Еда! – восхитился Вася так, будто месяц его держали на голодном пайке. – Налетай, Люська!

Лиссабон произвел на Женю странное и, пожалуй, приятное впечатление.

Несмотря на то, что стоял конец лета, а значит – самое туристическое время, несмотря на то, что город и его окрестности могли предложить как развлечения, так и прекрасный набор довольно необычных достопримечательностей, туристов здесь оказалось не так уж и много. Женька помнил, как черт дернул его года два назад слетать в конце августа в Испанию, на популярный курорт; вот где ад-то! Казалось, жаждущими отдыха человеческими телами покрыт каждый сантиметр немаленького пляжа, и завоевывать себе место под солнцем приходилось еще до восхода этого самого солнца. Пришел на пляж часов в девять – лежаки уже заняты; пришел в десять – занят весь пляж. Почему-то особо усердствовали немцы, видимо отчаявшиеся загореть на берегах Рейна, а потому занимавшие лежаки с ночи и метившие их разнообразными полотенцами. Кое-кто суетливо сдергивал эти полотенца и клал свои, и над спорным местом, как порох, вспыхивали скандалы. В Барселоне, куда Ильясов выбрался, устав от курортной борьбы, толпа атаковала здания Гауди, бурлящим потоком переливалась по бульвару Рамблас и орала на разных языках.

Здесь оказалось не так. Конечно, в Эшториле на пляже загорал народ, но без членовредительства и плотности «лежим бутербродом, поворачиваемся по команде». Жара прогнала туристов с улиц Лиссабона, и лишь редкие солнцестойкие особи бродили вокруг изумительно красивой Беленской башни, резного сокровища города, чудом уцелевшего во время землетрясения в конце восемнадцатого века. Кое-кто прятался под сводами громадного монастыря Жеронимуш, построенного в том же стиле еще в эпоху Великих географиче-

⁴ Пожалуйста (*порт.*).

⁵ Спасибо (*порт.*). Мужчины говорят «obrigado», женщины – «obrigada».

ческих открытий, – под этими сводами, в тени изукрашенных резьбой колонн, можно было отыскать прохладу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.